

Источники:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 609. Оп. 1.

2. РГАДА. Ф. 609. Оп. 1. Д. 654.

Литература:

3. Гагиева А.К., Кондратова И.В. Организация государственных учреждений в России (IX-XX вв.). Учебное пособие. Сыктывкар: КРАГ-СиУ, 2011.

4. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII - XIX середине века. Сыктывкар, 1998.

5. Мальцева А.К. Общинная организация и правосознание крестьян Коми края во второй половине XVIII века // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.

УДК 908+326.3

ББК Т.3(2)521.2-7

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Н.В. Голохвастова

Пермь

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
УРОВНЕ КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ УРАЛЬСКОЙ
ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВОТЧИНЫ КАК ОДИН ИЗ
ЭЛЕМЕНТОВ ИХ САМОСОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уральская горнозаводская вотчина, пермские имена Строгановых, крепостные служащие, социальная психология, самосознание, образовательный уровень.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются представления и отношение к образовательному уровню крепостных служащих уральских горнозаводских вотчин как один из элементов их самосознания.

N.V. Golohvastova

Perm

**NOTIONS ABOUT THE EDUCATIONAL LEVEL OF
SERF EMPLOYEES IN URAL MINING ESTATES AS
ONE OF ELEMENTS OF THEIR
SELFCONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF PERM
PATRIMONIES OF THE STROGANOF ESTATES)**

KEY WORDS: Ural mining estate, Perm country seats of the Stroganovs, serf employees, social psychology, selfconsciousness, educational level.

ABSTRACT: The notions and attitude towards educational level of serf employees in Ural mining estates are considered in the article as one of elements of their selfconsciousness.

Одной из своеобразнейших групп в социальной структуре российского общества конца XVIII – первой половины XIX в., и особенно в структуре уральских горнозаводских латифундий, являлись крепостные служащие. Они явственно выделялись из массы крепостного населения по своему образовательному и культурному уровню, характеру занятий, условиям труда и быта, и особенно – по своему менталитету, социально-психологическим установкам. Эта социальная группа существовала в том или ином объёме во всех частных горнозаводских имениях Урала [15. С. 18]. В Прикамье все подобные латифундии появились на базе пермских вотчин Строгановых, «отпочковавшихся» от них [14. С. 61]. Поэтому попытаемся рассмотреть некоторые черты социальной психологии крепостных служащих на примере этой группы в пермских строгановских имениях.

Несмотря на то, что служащие были довольно разнородной группой, отдельные слои которой отличались друг от друга по материально-бытовому положению, месту в иерархии вотчины, профессиональной принадлежности, характеру труда, уровню образования и культуры, но при этом они имели общие психологические черты, характерные именно для представителей этой группы: достаточно четкие представления о системе вотчины (менее четкие – об общественной системе в целом) и о месте и роли в этой системе

той социальной группы, к которой они себя относили, о своих интересах, целях, потребностях.

Сложившиеся представления были основаны на объективном социально-экономическом положении служащих, в то же время содержали в себе и субъективные моменты, не всегда адекватные социальной действительности, питавшиеся иллюзиями, а также личностную окраску. Весь этот сложный, но внутренне взаимосвязанный комплекс психологических черт, характерных именно для вотчинных служащих, стержневым моментом которого является осознание членами данного слоя своей социальной принадлежности, своего единства на основе общности интересов, целей – с одной стороны, и отличия, отграничения их от представителей других социальных групп – с другой стороны, можно определить как социальное самосознание.

Критериями осознания определённой общности крепостных служащих выступали, во-первых, общность рода занятий, деятельности, то есть «служба», связанная зачастую с умственным трудом; во-вторых, источник получения средств к существованию, единственный для представителей этой социальной группы (за редким исключением) – жалованье от владельца; в-третьих, возможность получения особых, полагавшихся только строгановским служащим, материальных и социальных привилегий – пенсионного обеспечения в старости, отпуска «на волю» при условии определённой выслуги лет; в-четвертых, наличие качественного образования, а у служительской «элиты» – высокого образовательного уровня; и, в-пятых, в отдельных группах служащих пермских вотчин Строгановых существовал такой объединяющий признак, как общность профессии [13. С.182].

В основе формирования понятия «мы» у представителей крепостных служащих лежало и осознание своего достаточно высокого образовательного уровня. То, что качественное образование действовало как критерий объединения-отграничения в среде строгановских служителей, говорят многочисленные факты. Александр Теплоухов (впоследствии – начальник Лесного отделения Главной Санкт-Петербургской конторы Строгановых, главный лесничий и главноуправляющий Пермского нераздельного имения; 1811 – 1885) [1], будучи студентом Тарандской лесной академии, писал А.М. Пестрякову: «ты, Шарин, и я... поставлены в ряд

просвещённых людей» [2]. Как видим, Теплоухов называет себя в ряду с Петром Сосипатровичем Шариным, почти одновременно с Александром Ефимовичем получавшим высшее образование в Германии (во Фрейбургской горной академии), и с Александром Максимовичем Пестряковым, также, как и первые два – выпускником Санкт-Петербургской школы, который в этот период уже занимал значительную должность в Главной Санкт-Петербургской конторе Строгановых. Что касается будущего главного лесничего майората, то он на протяжении всей своей жизни подчёркивал, что, в первую очередь, «считает себя образованным человеком» [3]. Молодой Василий Волегов (будущий управляющий Ильинским и Усольским округами Пермского майората Строгановых и его главноуправляющий, 1807 – 1864) [17. С.64] с удивлением и горечью писал о своих соучениках по Строгановской школе, которые своим образом жизни порочили звание «строгановского воспитанника», получившего образование: «Новые маркитанты, хотя и однокашники с нами, но они должны быть другой формации; Иванцов с нами вместе кончил курс и был учителем в школе – но за пьянство сослан в Пермь» [4]. К образованным служащим как особому слою предъявлялись более высокие требования администрацией имения. Так, выпущенному из лесного отделения Санкт-Петербургской школы с аттестатом I разряда лесничему в Ильинском округе майората Строгановых Михаилу Чазову, о котором мы уже упоминали, был объявлен Главным правлением строгий выговор «с запиской в формуляр и понижением аттестации» за «связи и бражничество с мужиком Поповым и земским писарем Коротинным», что «для него, как человека образованного, крайне неприлично» [5]. Напротив, отсутствие образования в среде служащих, особенно второй четверти XIX в., рассматривалось как нехарактерная черта, даже – как недостаток. Так, член Главного управления Пермского нераздельного имения Строгановых С.И. Конюхов, сообщая в своём донесении графу от 21 мая 1851 г. о злоупотреблениях сельского приказчика Кривецкого ведомства, отмечал как негативный момент тот факт, что Симанов «образованием... стоит не выше обыкновенных пищиков, из крестьян, и вообще: выглядит мужиком» [6]. Таким образом, в психологии служащих этого периода недостаточная образованность была чертой, не позволявшей считать такого человека представителем своего

слоя, но казалась им типичной для других социальных групп, от которых они себя, как видим, сознательно отделяли (в данном случае – крестьянства).

Более других осознавали свою общность те служащие, которые получили одинаковое профессиональное образование и были близки и по роду своей трудовой деятельности. Так, строгановский крепостной Андрей Яковлевич Россомагин чётко осознаёт себя членом особого, но довольно многочисленного во второй четверти XIX в. в майорате отряда лесных служащих. В апреле 1846 г. он писал своему учителю А.Е. Теплоухову не от собственного лица, а от лица многочисленных выпускников лесного отделения Санкт-Петербургской школы: «Я и мои товарищи приобрели от Вас... все нужные познания. Вы... показали и показываете нам, своими неусыпными трудами, как надо поступать с приобретёнными в теории познаниями и применять оные к практике... Много было у вас этих учеников, а мне товарищей, и они все, лишь только получив познания от Вас, отправились с радостью на места службы» [7]. Работники лесного хозяйства были, пожалуй, единственной группой среди вотчинных служащих, которые осознавали свою общность на основе профессионального признака. Очевидно, этому способствовало значительное увеличение их числа с 40-х гг. XIX в., в связи с более научной и рациональной постановкой лесного дела в майорате Строгановых под руководством А.Е. Теплоухова. Лесные служащие уже не были разбросаны поодиночке на пространствах лесных угодий имения: в каждом округе их было десятки человек (при общем числе более 200). Конечно, выпускниками лесного отделения Санкт-Петербургской школы из них были единицы, но даже не имевшие теоретического образования получали практические уроки лесоводства непосредственно во время прохождения службы, так как вся система лесного дела в Пермском нераздельном имении Строгановых в этот период была построена на единой основе, принципы которой разработал и внедрил в русскую практику А.Е. Теплоухов [12. С. 81; 16. С. 21]. Интересно, что сам Александр Ефимович, будучи по положению очень далек от простых лесных служащих имения, все же ощущал себя частью этого профессионального коллектива, всегда ревностно защищал интересы работников строгановского лесохозяйства, если считал, что они ущемляются, за какую «профессиональную

солидарность» даже подвергался критике со стороны некоторых представителей административно-управленческого аппарата вотчины [8].

Большинство строгановских служащих, получивших хотя бы общее среднее образование, не говоря уже о выпускниках специальных учебных заведений, высоко оценивали свои знания и рассматривали образование как гарантию хороших служебных перспектив. Так, окончивший Санкт-Петербургскую школу с аттестатом 2 разряда крепостной служитель Фёдор Воронин просил графа С.Г. Строганова назначить его на должность, «соответствующую его силам, знаниям и опытности», а именно – «начальническую» на любом из горных заводов или соляных промыслов. Прошедший курс обучения в Пермском уездном училище крепостной служащий Андрей Красиков, занимавший ранее должности учителя и писца, убеждён в том, что достоин большего: «По чувству *собственного сознания* (курсив наш – Н.Г.), я мог бы быть и прежде в числе кандидатов на должность сельского приказчика». Престарелый служащий Абрам Иванович Рогов, очевидно, настолько высоко оценивал уровень профессиональных (юридических) знаний своего младшего сына Александра, также крепостного Строгановых, что даже посчитал необходимым просить вотчинника отпустить сына на более соответствующую его образованию «вольную службу», причём подчёркивал, что владельцам молодой человек обязан *«лишь первоначальным»* (курсив наш – Н.Г.) воспитанием, полученным им в Ильинском Приходском Училище» [9].

И, наоборот, низкая самооценка служащих обычно была вызвана их необразованностью; отсутствие хорошего образования осознавалось в первой половине XIX в. как личный недостаток. Например, сельский приказчик Лука Мокрушин, попытавшись по собственной инициативе проанализировать состояние сельского управления и положение крестьян в майорате, представив свои выводы в письменном виде графу С.Г. Строганову, во вводной части своего «опуса» писал: «Всеуниженнейше прошу Ваше Сиятельство не поставить всё то в вину мне, но отнести сие сколько к недоумению моему, а более того к недостаткам моим в сочинении вследствие неполучения порядочного образования»; ниже он назвал себя «малограмотным пермяком» [10]. Другой бывший сельский приказчик Иван Шехурдин прямо говорил о себе: «Я физиче-

ски неспособен к обращению с людьми высшего сословия, не могут исправно говорить, по косноязычию от природы» [11]. Очевидно, «природное косноязычие» Шехурдина было бы хоть сколько-нибудь исправлено образованием, но, как видим, этого не случилось.

Таким образом, строгановские крепостные служащие весьма четко осознавали свою принадлежность к особой социальной группе. Это выражалось в представлениях о своей специфичности, базировавшихся в том числе и на соответствующей оценке ими своего образовательного уровня, а при наличии действительно качественного образования – в ожидании служебных перспектив, карьерного роста в иерархии вотчины.

Источники:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 613. Оп. 1. Д. 16. Л. 50 – 56.
2. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 466. Л. 4.
3. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 171. Л. 6; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1366. Л. 193 об.
4. ГАПК. Ф. 672. Д. 263. Л. 2.
5. Ильинский районный краеведческий музей (ИРКМ). Рукоп. фонд. № 1963/84. Л. 403.
6. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1472. Л. 98-98 об.
7. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 70. Л. 45-46.
8. РГАДА. Ф. 1278. Д. 1366. Л. 8 об. – 9 об., 189.
9. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1478. Л. 1 об. - 3; 102; ИРКМ. Рукоп. фонд. № 1990/108. Л. 57 - 58 об.
10. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 1а об., 48 об.
11. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1360. Л. 33 об.

Литература:

12. Бейлин И.Г., Парнес В.А. Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969.
13. Голохвастова Н.В. Крепостные служащие в системе управления уральского горнозаводского имения в конце XVIII– первой половине XIX века (на примере пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004.
14. Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII– первой половине XIX века: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011.
15. Мухин В.В. Крепостные служащие вотчинных имений Урала в первой половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дорево-

люционного Урала. Пермь, 1990. С. 17-25.

16. Чернов Н.Н. Первопроходцы уральской лесной науки. Екатеринбург, 2004.

17. Шилов А.В. Из истории интеллигенции Пермского нераздельного имения Строгановых (В.А.Вологов и его вклад в культуру Прикамья) // Сторонушка Ильинская. Материалы научно-практической конференции. Ильинский, 1997. С. 64-71.

УДК 352.111

ББК Т.3(2)

ГСНТИ

03.23.31/03.23.55

Код ВАК 07.00.02

О.В. Горбачев

Екатеринбург

**АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ (XVIII-
НАЧАЛО XX в.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: урбанизация, административно-территориальное устройство, бюрократия, Российская империя, реформы системы управления.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются проблемы российского городского развития в связи с административными реформами XVIII–XIX вв. Рассматриваются вопросы становления городского самоуправления, характер зависимости региональных центров от государственной власти. Выделяются группы регионов, отличающихся схожей динамикой городской эволюции. Делается вывод, что административное вмешательство в процесс урбанизации в условиях России имело как положительные, так и отрицательные последствия: оно не только определяло односторонний характер развития большей части городов, но и служило катализатором развития сети населенных мест.

O.V. Gorbachev

Yekaterinburg

**ADMINISTRATIVE-BUREAUCRATICASPECT OF
RUSSIANURBANIZATION(XVIII -BEGINNING OF XX
CENTURY)**

KEYWORDS: urbanization, the administrative-territorial structure, the bureaucracy, the Russian Empire, the reform of the management system